

Бадараев Дамдин Доржиевич

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

Будаев Батор Солбонович

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

Ойдов Хатанболд

PhD., научный сотрудник отдела политологии и правоведения Института философии Академии наук Монголии

**НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ
В ГОРНОРУДНОЙ ОТРАСЛИ
МОНГОЛИИ
И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ***

Аннотация:

В статье рассматриваются социальные особенности и факторы развития отрасли добычи полезных ископаемых на сопредельных территориях России и Монголии. Последовательно продемонстрированы исторические аспекты становления горнорудного сектора в Монголии и Бурятии, а также современные черты проявления неспецифических социальных проблем в указанной сфере. На примере нелегальной добычи золота в Монголии и нефрита в Бурятии показаны текущее положение и обусловленные возникшими трудностями социальные эффекты для горнорудной отрасли. Масштабы распространения подобных неформальных трудовых практик привели к актуализации регулирующей роли государственных структур в данной области. Однако, несмотря на принимаемые меры, возникает необходимость обеспечения полноценного диалога между всеми участниками, заинтересованными в наиболее эффективной системе организации процесса добычи полезных ископаемых.

Ключевые слова:

горнорудная отрасль, сопредельные территории, неформальная занятость, Республика Бурятия, Монголия

Badaraev Damdin Dorzhievich

PhD in Social Science, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Social Work Theory, Buryat State University

Budaev Bator Solbonovich

PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, Buryat State University

Oidov Khatanbold

PhD, Research Fellow, Department of Political Science and Legal Studies, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Science

**INFORMAL EMPLOYMENT
IN THE MINING INDUSTRY
OF MONGOLIA AND THE REPUBLIC
OF BURYATIA****

Summary:

The paper discusses the features of the development of socially distinguishable factors of mining in the adjacent territories of Russia and Mongolia. The historical aspects of the formation of the mining industry in Mongolia and Buryatia, as well as modern features of the manifestation of non-specific social problems in this industry, are consistently demonstrated. The current state of the problem and the social effects of the mining industry are shown on the example of illegal gold mining in Mongolia and jade in Buryatia. The scale of the spread of such informal labor practices has led to the actualization of the regulatory role of state structures in this area. However, despite the measures taken, there is a need to ensure a full-fledged dialogue between all participants interested in the most effective system for organizing the process of mining.

Keywords:

mining industry, adjacent territories, informal employment, Republic of Buryatia, Mongolia

Геологическая карта природно-минеральных ресурсов Монголии и приграничных с ней территорий России во многом близка. Имеющиеся здесь полезные ископаемые и методы их добычи

* Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

** This work was supported by the RFBR project 20-511-44011 Mong_a "Informal employment in Russia and Mongolia in the context of globalization"

на всем протяжении XIX – начала XX в. практически не различались. Становление горнодобывающего сектора экономики Советской России и Монголии осуществлялось исходя из потребностей СССР. Это обстоятельство породило особую форму социально-инфраструктурных перекосов в развитии экономики указанных регионов. Как мы отмечали в одном из предыдущих исследований, если ранее, при «сильном» государстве, данные проблемы не были столь ярко видны, то в условиях «обособления» это стало порождать причудливые формы социальных взаимоотношений, завязанных на нелегальной или полуполюгальной добыче полезных ископаемых [1]. Возвращение государства к системе жесткого контроля над процессом добычи планомерно ликвидирует очаги этих новообразований как в России, так и в Монголии, что заставляет обратить внимание на изучение обозначенных явлений в сравнительной перспективе.

Одним из ключевых направлений деятельности сегодня является отслеживание социальных проблем, которые возникают в Монголии и на сопредельных с ней территориях России. Для любых исследователей важно определить механизм налаживания отношений нового рода между местным сообществом и людьми, работающими в этой отрасли.

Во многом решение обозначенного вопроса нельзя считать абсолютно новым. В связи с этим наиболее интересны работы Ф. Ванкляя. По его мнению, социальные эффекты здесь выражаются в изменении образа жизни людей, их культуры, социальной общности, окружающей среды, здоровья и благополучия, стремлений и страхов. Ф. Ванклай совместно с А.М. Эстевес рассматривают возможность комплексного анализа организации деятельности горнодобывающей промышленности, способствующей минимизации отрицательных социальных эффектов [2].

Изучение горнорудной отрасли в Монголии и приграничных территориях России в историческом и современном аспектах подразумевает применение нескольких исследовательских методов, позволяющих в комплексе раскрыть направления развития и особенности формирования специфических форм горнорудной отрасли в указанном ареале. В рамках статьи использованы анализ и обобщение имеющихся источников и опубликованных работ, вторичный анализ ранее проведенных исследований в Монголии (Г. Мунх-Эрдэнэ, 2007–2008 гг.; М.М. Хай, 2010 г.) [3] и Республике Бурятия (А.В. Комбаев, Г.В. Тартыгашева, 2016 г.) [4], глубинное интервью (опрошено 13 человек), осуществленное в Булганском и Баянхонгорском аймаках Монголии и Республике Бурятия в 2011 и 2017 г., а также дискурс-анализ данных СМИ и интернет-ресурсов Монголии и Республики Бурятия.

Развитие горнодобывающего сектора экономики Монголии и сопредельных с ней территорий России во многом обусловлено примерно одинаковым геологическим составом и близкими социально-экономическими условиями добычи полезных ископаемых. Вместе с тем история становления отрасли в значительной степени различается, что вызывает научный интерес к этой проблематике.

Горная промышленность Монголии и приграничных с ней территорий России была преимущественно представлена золотодобычей. В начале XIX в. именно золотодобывающая отрасль в наибольшей степени способствовала развитию земледелия, животноводства и расширению городов [5, с. 28]. В дальнейшем, в XIX – начале XX в., ограничителем стал низкий уровень развития транспортной инфраструктуры и невысокая численность населения этого ареала.

Коренные жители приграничных регионов были слабо заинтересованы в прогрессе горнодобывающей отрасли. Тормозом служили пережитки традиционной социально-политической системы, характерные для монгольских народов, не позволяющие им заниматься горным делом. Главным противником развития экономики выступала церковь. Ламство часто под предлогом святости той или иной горы либо реки запрещало рубить лес для строительства, разведывать ископаемые, сеять сельхозкультуры, прокладывать телеграфные линии, производить рыбную ловлю и пр. Этот факт во многом обусловил специфику занятости в горной промышленности. Например, по данным Б. Ширендыба, на 15 золотых приисках Монголии было занято 2 376 (89,15 %) китайских рабочих, 220 (8,03 %) русских и только 69 монгольских (2,82 %) [6, с. 107, 119].

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, а в последующем и Китайско-Восточной железной дороги увеличило количество переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Так начала развиваться угольная промышленность, которая должна была обеспечивать возрастающие потребности железной дороги в топливе.

В годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны горнодобывающая промышленность региона не получила никакого развития [7, с. 32]. Революция в Монголии и включение ее в социалистическую орбиту государств значительно расширили потенциальные возможности горнодобывающего сектора.

Одной из наиболее острых проблем развития горнорудной промышленности стала слабая подготовка кадров. Приграничные территории были преимущественно аграрными. Например, в Бурятии доля городского населения достигала всего 6,4 %, при этом из 482,1 тыс. чел. около половины составляли буряты, занятые преимущественно в скотоводстве [8, с. 7]. Процесс вовлечения лиц бурятской национальности в ряды рабочего класса проходил сложно.

К началу Второй мировой войны в приграничных с Монголией территориях России была создана местная горная промышленность, которая работала в целях обеспечения промышленного производства центральных регионов страны всем необходимым. Самой востребованной стала добыча вольфрама и молибдена, а добыча золота перешла на второй план. Большая часть опытных и квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала в этот период была мобилизована в Советскую армию. Например, только в народном хозяйстве Бурятии к началу 1942 г. число квалифицированных рабочих сократилось на 44 %. В республике активно использовался и труд заключенных. На копиях Джидинского комбината действовал спецконтингент, или заключенные Джидлага, численность которых достигала 15 тыс. чел. [9, с. 68].

В послевоенные годы начался отток населения с предприятий, постепенно уезжали сельские жители, мобилизованные во время войны на промышленные объекты. Вместе с тем на смену оргнабору пришел вольный наем рабочих, самостоятельно прибывавших на промышленные предприятия и стройки, уже в 1950-е гг. ситуация в целом нормализовалась.

Так, именно с формирования инфраструктуры, в частности с начала строительства Трансмонгольской железнодорожной магистрали, развивалась угольная промышленность в этой стране. В период 1948–1952 гг. в районе Налайхи (пригороде Улан-Батора) было построено семь шахт. На акционерных началах с СССР основан трест «Монголнефть», а с 1949 г. по просьбе монгольского правительства создано советско-монгольское акционерное общество «Совмонголметалл».

Вместе с тем, несмотря на существенный прирост, доля горнорудной и топливной промышленности Монголии в отраслевой структуре по показателям валовой продукции все еще оставалась незначительной и в совокупности достигала всего 4,6 %. Доминирующими отраслями оставались легкая, пищевая и лесная, составлявшие в 1975 г. 30,2, 24,2 и 14,9 % соответственно [10, с. 33].

В 70-е гг. XX в. повысившаяся мировая цена на полезные ископаемые позволила превратить многие инфраструктурные поселки, возникающие вокруг горных рудников, в стационарные. Более того, их начали обеспечивать на довольно высоком уровне. В таких местах создавались гораздо более выгодные условия работы и оплаты труда, форсированно возводились объекты социальной инфраструктуры, школы, сады, медицинские учреждения и т. п.

Именно благодаря данным факторам горная промышленность Монголии вступила в новый этап развития, когда на принципах равно долевого участия были открыты совместные предприятия «Монголсовцветмет» (1973), «Монголчехословакметалл» (1980) и «Монголболгарметалл» (1980). Всего было разведано свыше 500 крупных месторождений, объем продукции горнорудного сектора (без добычи угля и стройматериалов) в 1976–1980 гг. увеличился более чем в 6 раз по сравнению с данными 1970–1975 гг. С 1970 по 1983 г. его доля в ВПП возросла с 0,4 до 17,8 % [11, с. 85].

Начавшийся процесс перестройки в СССР и политический кризис конца 1980-х гг. привели к тому, что развивающаяся горнорудная отрасль пришла в глубокий упадок. При увеличении капиталовложений отмечалось снижение экономической эффективности и качественных показателей. Без финансовых вливаний со стороны СССР экономика Монголии находилась на грани краха. Выйти из сложившегося положения можно было только благодаря внешним инвестициям.

В советский период в рамках промышленной политики страны не уделялось должного внимания периферийным предприятиям, поскольку экономика Монголии и приграничных с ней территорий России имела сырьевой и промежуточный статус. С распадом СССР практически все геолого-разведочные и геолого-поисковые работы были остановлены в связи с отсутствием финансирования и государственной помощи, а предприятия отрасли, оставшись без поддержки, стали нерентабельными и были законсервированы. Кризис в экономике привел к тому, что многие крупные горнопромышленные комбинаты прекратили деятельность. Часть из них в таких условиях не были соответствующим образом законсервированы и стали представлять огромную химическую угрозу.

Горнорудное сотрудничество на государственном уровне между Россией и Монголией существенно изменилось после 1990-х гг. В то время 9/10 горнорудной продукции Монголии давали совместные российско-монгольские компании-гиганты ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет». Однако в 2000-е гг. ситуация с российской монополией начала кардинально меняться в связи с разработкой и открытием двух крупнейших месторождений мирового уровня с огромными запасами разведанного сырья: золота и меди («Оюутолгой»), а также каменного угля («Таван Толгой»). Планомерное снижение показателей доходов двух совместных предприятий привело к неожиданному эффекту, когда перед парламентскими выборами в июне 2016 г. 49 % акций обеих компаний, принадлежавших российской стороне, были проданы частной монгольской фирме Mongolian Copper Corporation за 400 млн долл. [12]. История приобретения акций еще не завершена, продолжение наблюдается в судебных разбирательствах и инвестиционных сделках, касающихся организации «Оюутолгой». Современная горнорудная отрасль Монголии характеризуется высоким уровнем коррумпированности.

Кризис в отрасли во многом определялся и рядом других социальных эффектов. В случае с Республикой Бурятия ситуация была усугублена ввиду изначально крайне хрупкой экологической среды. По данным Д.А. Будаева, только за период с 1961 по 1964 г. объем вредных сбросов в водоемы промышленными предприятиями возрос в 2,5 раза, лишь во второй половине 1970-х гг. в результате ввода в эксплуатацию ряда очистных сооружений удалось сократить из года в год увеличивавшиеся цифры [13].

Ослабление роли государства как крупнейшего игрока в горнодобывающей отрасли послужило основной причиной начала нового периода хищнической разработки полезных ископаемых. Остро встала проблема добычи жизненно необходимых ресурсов, таких как топливо. В кратчайшие сроки в пригородах Улан-Батора появились нелегальные копатели угля. Не выплачивая никаких налогов, они работали, нарушая все экологические нормы, зачастую используя самую низкого качества технику, не соблюдая при этом элементарных требований безопасности.

Однако гораздо острее встал вопрос добычи более ценных ресурсов. Промышленный бум и повышение уровня жизни в соседнем Китае выступили основными причинами повышенного интереса к ресурсам Монголии и России, которые контрабандно вывозились из соседних стран. Перечень подобных ресурсов был широк – от относительно дешевых вольфрама и молибдена до особо ценных золота и нефрита.

С 1990-х гг. поистине лихорадочный характер приобрела добыча природных ископаемых: в Монголии – золота, Бурятии – нефрита. Оба вида неформальной занятости обладали схожими особенностями: нелегальным статусом, массовой востребованностью среди широких слоев населения, оказанием негативного влияния на экологическую обстановку. Сообщества бурятских нефритчиков и монгольских «ниндзя» отличаются социальной иерархизированностью с неформальными правилами и санкциями.

Нелегальная добыча нефрита в Бурятии приобрела наибольшую популярность среди местного населения в 2000-е гг. и продолжалась до середины 2010-х гг. Нефрит не относится к категории драгоценных камней, но входит в группу полудрагоценных, что является основанием для получения специальной лицензии на его добычу [14]. Разведка нефрита не относится к преступным действиям, законом не запрещается сбор поделочных камней для своих нужд, что стало лазейкой для нелегалов. Стабильно высокий спрос на китайском рынке и в странах Юго-Восточной Азии поднял его закупочную цену. Считалось, что нефрит оказывает не только целительное действие на организм человека, но и приносит благополучие и символизирует высшие человеческие добродетели.

Поток желающих обогатиться на нефрите хлынул в районы республики – Баунтовский, Муйский, Окинский, Закаменский и Тункинский, что в очередной раз подтверждает низкий уровень экономического развития региона. На этих территориях разведаны 13 месторождений с общим запасом в 24 тыс. т, что составляет, по разным оценкам, от 90 до 99 % общероссийских запасов нефрита. По прогнозам специалистов, его ресурсы в Бурятии достигают 100–110 тыс. т [15, с. 48]. Доля нефритовой промышленности в добывающей отрасли республики по объемам производства и численности работающих равна 2,2 % [16].

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, среднегодовая численность официально занятых в добыче полезных ископаемых в регионе в 2016 г. равнялась 5 270 чел. [17]. В пиковые годы количество неофициальных нефритчиков достигало 3–4 тыс. чел., однако точных цифр нет ввиду нелегального и скрытого характера такой деятельности.

Глубинное интервью с бывшими нефритчиками позволило выявить состав и социальную группу, куда входят поисковики, добытчики, ныряльщики (погружаются в воду в гидрокостюмах), бродяги (бродят по лесам, горам), посредники, а также лица, ответственные за ввод нелегального нефрита в рыночный оборот. В основном нефритчиками становятся здоровые трудоспособные мужчины в возрасте около 20–35 лет, готовые перенести все тяготы тяжелого труда, суровые климатические условия Сибири, отличающиеся авантюрным складом характера, ставящие перед собой цель быстро заработать и разбогатеть.

Добыча нефрита приобрела промышленные масштабы, вокруг месторождений выросли целые поселки, в добывающем процессе нелегалы взрывали горные породы, использовали бульдозеры, экскаваторы и другую тяжелую технику, применение которой наносит непоправимый урон природе. Ежегодно в Бурятии добывается около 1,6 тыс. т нефрита. В процессе наплыва нелегалов на месторождения камня пострадала деятельность официальных горнодобывающих компаний, уменьшились объемы их добычи, снизилась закупочная цена из-за образовавшейся массы теневого предложения на черном рынке. По мнению опрошенных нелегалов, «сами нефритчики не защищены никакими гарантиями на условия труда, стабильный размер заработ-

ной оплаты и не обеспечены социальным пакетом. Труд нелегалов практически никак не подкрепляется договорными отношениями, они действуют на свой страх и риск в погоне за удачей и в поисках быстрой наживы», в основном практикуются неформальные правила и нормы, в экстренных условиях действуют «законы тайги» (информант Александр, 38 лет).

Аналогичное положение складывается в Монголии с нелегальными добытчиками золота – «ниндзя», у которых главными атрибутами являются зеленые тазики на спине. По мнению западных экологов, их численность достигала в разные пиковые периоды 100 тыс. чел. Однако монгольские источники скромны в оценках, в них фигурируют цифры в пределах 30–50 тыс. чел. [18, с. 16]. На самом деле количественный подсчет нелегальных добытчиков сложен, что связано с теневым характером деятельности, сезонностью и нерегулируемым графиком работы. Объемы добычи золота на черном рынке приобрели небывалые масштабы. По данным неправительственных органов, нелегальный оборот золота в Монголии, добываемого черными копателями, доходил до 7 т.

Как отмечал один из информантов, «молва о золотonosных жилах распространяется молниеносно через социальные сети в Интернете и сотовую связь. Сопки и горы после нашествия «ниндзя» стираются с поверхности ландшафта и превращаются в груды раздробленных камней, перерытой и перетасканной земли, на восстановление которых может уйти не одно десятилетие». Использование взрывчатых веществ, тяжелой техники, ртути и других химикатов пагубно влияет на экологию и биосферный баланс территорий. На всех местах нелегальной добычи золота возникают очаги криминала, конкурирующего с официальными предприятиями. Тем не менее монгольский исследователь Г. Мунх-Эрдэнэ указывает, что «есть и обратные примеры, «ниндзя» и горнорудные компании зачастую становятся выгодными компаньонами, оказывая взаимную вырубку друг другу. С разрешения руководств компаний черные копатели повторно перемалывают использованные отвалы, но в то же время благодаря «разведывательной» работе «ниндзя» горнорудные компании осваивают новые площади с богатыми залежами драгоценных металлов» [19, с. 12].

На территориях освоения не соблюдаются техника безопасности, режим и условия труда. В «ниндзя» в Монголии превращаются лица любого пола и возраста, в том числе несовершеннолетние дети. Всеми движет потребность в быстрых деньгах, большое влияние оказывают также легенды, сформировавшиеся образы успешных и удачливых людей, сколотивших состояния на нелегальной добыче золота. Социальный состав ниндзя разнороден, ими становятся не только мужчины и женщины в расцвете сил, но и свободные скотоводы, студенты, пенсионеры, подростки, дети, женщины с детьми и др. Они выполняют тяжелые трудовые функции и играют различные социальные роли. Привилегированное положение в иерархии занимают «савдаки» – опытные бригадиры, обладающие знаниями в области добычи золота, которые управляют всем процессом [20, с. 62]. «Чейнджи» – это посредники и менялы, принимающие добытое золото у «ниндзя» и переправляющие его в контрабандное русло для переправки в Китай.

Проблема регулирования выдачи лицензий на освоение территорий и месторождений полезных ископаемых была в большей степени разрешена спустя многие годы после затянувшейся лихорадки. Закон Монголии «О запрете разведки и эксплуатации месторождений полезных ископаемых в бассейнах рек и в лесных массивах», принятый Великим государственным хуралом Монголии (парламентом) в 2009 г., позволил государственным структурам пересмотреть ранее выданные горнорудным компаниям лицензии, многие из которых были отозваны, отменены или приостановлены в связи с угрозой экологической безопасности природных заповедников и особо охраняемых территорий страны. Кроме того, были ужесточены правила пребывания приезжих граждан, активизировались органы внутренних дел, администрации сельских поселений (сомонов) и правозащитные общественные организации.

В Республике Бурятия данная проблема начала регулироваться с 2013 г. при содействии федеральных структур. Здесь была проведена серия спецопераций, сопровождаемых громкими уголовными делами, коснувшимися и руководителей некоторых министерств и ведомств, а также общественных организаций, например эвенкийской общины «Дылыча». С 2014 г. дочерняя структура «Ростеха» «Забайкальское горнорудное предприятие» (ЗГРП) взяла под контроль основные месторождения нефрита в Бурятии, преимущественно в Баунтовском и Окинском районах. ЗГРП ведет легитимную деятельность, обеспечивает высокую среднюю заработную плату по местным меркам – 108 тыс. р. в месяц с полным социальным пакетом. На предприятии занято 200 чел. Участки добычи нефрита оснащены всем необходимым, начиная от прачечных и заканчивая спортивным залом, кинотеатром и библиотекой [21]. В СМИ не раз появлялись материалы о столкновениях населения с представителями служб безопасности компаний при нарушении границ лицензионных территорий. Местные жители недоумевали по поводу установления границ на нефритовых месторождениях, поскольку им запрещались охота, рыболовство, сбор дикоросов, ведение традиционных видов хозяйствования на исконных угодьях, часть которых оказалась на отмежеванных площадях.

Считается, что процесс декриминализации нефритовой отрасли завершается, но в то же время нелегальная добыча и контрабандный провоз камня в Китай продолжается, но уже в меньших объемах и с использованием сложных противозаконных схем с выходом на криминальные рынки соседних регионов Иркутской области и Забайкальского края. На деле отдельные вылазки групп нелегалов под прикрытием как аборигенных жителей, так и представителей местных общин продолжают, взять под полный контроль эту отрасль властям пока не удастся.

На вопрос о том, как долго продлится подобная ситуация, нельзя дать однозначный ответ. Вместе с тем сложно не заметить усилий властей в борьбе с противозаконными разработками. Однако ясно, что принимаемые меры далеко не всегда способствуют эффективному развитию системы отношений между властью и людьми, занятыми в нелегальном бизнесе. Ведь именно высокий уровень коррупции в горнодобывающей отрасли послужил своеобразным толчком к усугублению сложившегося положения. До тех пор пока государство не наладит схему продуктивного контроля на местах, многие шаги по оптимизации взаимодействия не принесут должного эффекта.

Причина данного положения вещей может крыться в малой неформализованной дистанции между нелегальными добытчиками и органами власти. Высокая плотность социальных связей, сохраняющаяся в традиционных общественных структурах, не позволяет четко разделять государственные и частные интересы. У этой проблемы, наряду с указанными минусами, есть и положительные стороны. В подобной ситуации актуально обращение к вопросам общественно-экологических, социально-экономических последствий для территорий, на которых осуществляется добыча полезных ископаемых. Возможным решением могла бы стать инициатива по созданию в регионах общественных организаций, не только контролирующих процесс добычи, но и занимающихся активной просветительской работой среди населения.

Кроме того, показательными стали проекты Сибирской угольной энергетической компании (Тугнуйский угольный разрез), создавшей фонд «СУЭК – регионам», через который предприятие намерено вложить значительные финансовые средства в строительство амбулатории общеврачебной практики, лыжного стадиона и дома культуры [22]. Крупнейшая золотодобывающая компания «Бурятзолото» инициировала конкурсы социальных проектов в Окинском и Муйском районах республики [23].

Вместе с тем понятно, что даже эти примеры не покрывают завышенных ожиданий жителей региона в вопросах восстановления и/или развития горнодобывающей отрасли. Время больших горнодобывающих комплексов с широкой социальной инфраструктурой, аналогичных старому советскому наследию, ушло в прошлое. Ожидать повторения масштабных положительных эффектов от их деятельности уже не приходится.

Таким образом, в России проблема нелегальной разработки не решена. Однако государство стремится контролировать этот процесс. В частности, в Бурятии взята под управление добыча нефрита, ужесточен надзор за добычей золота. Горнорудная лихорадка инерционно коснулась противозаконной добычи и других полезных ископаемых, нередко оборачиваясь социальными проблемами и трагедиями для черных копателей и их семей. Вместе с тем, как показывает практика, основной причиной сложившегося положения остается не только низкий уровень жизни населения региона, на территории которого ведутся работы, но и высокая степень коррупции, слабая социальная ответственность бизнеса, занимающегося освоением этих месторождений. Чтобы не допускать подобного в будущем, необходимо поддерживать диалог между всеми участниками, заинтересованными в наиболее эффективной системе организации процесса добычи полезных ископаемых.

В целом можно сделать вывод, что период XX – начала XXI в. выступает важнейшим этапом модернизации отрасли на рассматриваемых территориях, последующего ее упадка и возникновения неспецифических форм занятости среди населения в этой сфере, а также реанимирования регулирующего воздействия со стороны государства.

Ссылки:

1. Будаев Б.С. Социальные эффекты развития горной промышленности в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 14А. С. 125–132.
2. Esteves A.M., Vanclay F. Social Development Needs Analysis as a Tool for SIA to Guide Corporate Community Investment: Applications in the Minerals Industry // Environmental Impact Assessment Review. 2009. Vol. 29, no. 2. P. 137–145. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2008.08.004>.
3. Мунх-Эрдэнэ Г. Бурзайж байна уу?: нинжа нар, тэдний зохион байгуулалт хийгээд амь зуулга = Блестит ли? Ниндзя, организация деятельности, борьба за выживание. Улаанбаатар, 2011. 120 с. ; High M.M. Fear and Fortune: Spirit Worlds and Emerging Economies in the Mongolian Gold Rush. Cambridge, 2017. 180 p.
4. Комбаев А.В., Тартыгашева Г.В. Нефритовая лихорадка: социальные эффекты горнорудной промышленности в Байкальской Азии // Социальные эффекты развития горнорудной отрасли трансграничных регионов (на материале России, Монголии, Китая) : монография / отв. ред. И.Г. Актамов. Улан-Удэ, 2017. С. 46–58.

5. Тармаханов Е.Е. Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1941). Улан-Удэ, 2011. 224 с.
6. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX вв. (история социально-экономического развития). Улан-Батор, 1963. 518 с.
7. Тармаханов Е.Е. Указ. соч. С. 32.
8. Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования) / отв. ред. Г.Л. Санжиев. Улан-Удэ, 1998. 160 с.
9. Геологоразведка и горная промышленность Бурятии: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. К.Ш. Шагжиев. Улан-Удэ, 2002. 272 с.
10. Гербова А.А. Развитие промышленности МНР на современном этапе. М., 1978. 114 с.
11. Березина А.И. Советско-монгольское экономическое сотрудничество // Материалы и исследования по Монголии. М., 1974. С. 81–88.
12. Таинственная продажа России своей доли ГОК «Эрдэнэт» Монголии [Электронный ресурс] // Информ Полис. 2016. 12 июля. URL: <https://www.infpol.ru/116604-tainstvennaya-prodazha-rossii-svoey-doli-gok-erdenet-mongolii> (дата обращения: 01.02.2021).
13. Будаев Д.А. Производственный травматизм на горнодобывающих предприятиях Бурятской АССР в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер.: Экономика и право. 2014. Вып. 2. С. 150–153.
14. О недрах [Электронный ресурс] : Федер. закон от 21 февр. 1992 г. № 2395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Комбаев А.В., Тартыгашева Г.В. Указ. соч. С. 48.
16. Нефриты Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Livejournal. 2015. 21 авг. URL: <https://iv-g.livejournal.com/1219580.html> (дата обращения: 01.02.2021).
17. Бурятия в цифрах (статистический сборник 01-01-13) [Электронный ресурс] // Бурятстат : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: https://burstat.gks.ru/bur_compedium (дата обращения: 01.02.2021).
18. Мунх-Эрдэнэ Г. Указ. соч. С. 16.
19. Там же. С. 12.
20. Там же. С. 62.
21. Генеральный директор ЗГРП: «За пять лет мы создали все для полноценной и достойной работы [Электронный ресурс] // Байкал Daily. 2019. 26 нояб. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/45/378585> (дата обращения: 01.02.2021).
22. СУЭК поможет Бурятии в строительстве амбулатории, лыжного стадиона и дома культуры [Электронный ресурс] // UlanMedia.ru. 2015. 15 июля. URL: <http://ulanmedia.ru/news/449708> (дата обращения: 01.02.2021).
23. Бурятзолото инициировало конкурсы социальных проектов [Электронный ресурс] // Информ Полис. 2015. 8 июня. URL: <https://www.infpol.ru/160322-buryatzoloto-initsirovalo-konkursy-sotsialnykh-proektov> (дата обращения: 01.02.2021).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна